

Центр научных работников и преподавателей иудаики
в вузах "Сэфер"

International Center for University Teaching of Jewish
Civilization, Hebrew University of Jerusalem

Институт славяноведения
Российской Академии Наук

**Материалы Восьмой
Ежегодной Международной
Междисциплинарной
конференции по иудаике.
Часть 2**

ספרי

Академическая серия
Выпуск 8

Москва 2001

Цалерий Зайчик, Юлия Пахунова (Москва)

**“Божественная комедия” и “Комедия человека”
(Данте и Иммануэль Римский: биографические и
литературные параллели)**

Выдающийся еврейский поэт позднего средневековья Иммануэль (Иммануил) Римский (ок. 1265 или 1272 – ок. 1330 гг.) известен сравнительно мало. Его с полным основанием можно назвать “самым неизвестным известным поэтом”. Причин тому много: среди них и разносторонность личности поэта (раввин, экзегет, философ, каббалист и лирический поэт, сатирик), и разнохарактерность его сочинений (комментарии к Библии, каббалистические сочинения, философские гимны, один из которых включен в круг ежедневных молитв, лирические произведения, в том числе в редкой для еврейской литературы форме сонетов, сатиры, стихи эротического содержания), часть которых всегда вызывала непонимание и даже раздражение у некоторых групп читателей, и противоречивые взгляды на эти сочинения ортодоксальных кругов, и, как следствие, малое число изданий, хотя его книга и была одной из первых, вышедших из-под печатного станка сразу после появления книгопечатания.

Произведения Иммануэля Римского осуждались (М. Риети в конце 14 в. признавал его лирику неприличной, И. Каро в 16 в. отнес его произведения к запрещенным для чтения верующими свреями, приведя имя поэта в известном кодексе “Шулхан арух”), ими восторгались (современники поэта, а также Я. Франсез, Г. Грец, С. Дубнов, М. Ваксман, У. Кассуто, И. Цинберг, Г. Карпелес, Х.Н. Бялик, Ш. Чернаховский, Н. Альтерман, А. Шленский, С. Рот, Д. Пагис и др.), называя автора “еврейским Данте”, “средневековым Гейне”, “императором поэтов”, “смеющейся душой”, но равнодушными они не оставляли никого. При этом весьма показательны, что ряд видных историков и литературоведов (Г. Грец, С. Дубнов, И. Цинберг и др.) со временем изменил свои взгляды на личность и творчество Иммануэля Римского (анализ М. Липкина), причем, как правило, в положительную сторону, обнаружив в его стихах глубокий религиозный смысл и чувство. И почти все, даже критически настроенные

читатели, независимо от своего отношения к творчеству поэта, подчеркивали широкий диапазон тематики его произведений, его редкое дарование, богатство и блестящее использование библейских, постбиблейских и поэтических источников (в произведениях поэта можно найти около 6000 цитат из ТаНаХа и 800 из Талмуда) и другие достоинства, позволяющие относить Иммануэля Римского к “звездам первой величины” в еврейской поэзии (Л. Цунц).

И все же творчество Иммануэля Римского известно очень узкому кругу читателей, сочинения его изучены недостаточно. Библиографический список работ о нем за семь столетий насчитывает всего несколько десятков разрозненных статей в различных журналах и упоминаний в книгах, носящих обзорный характер. О русскоязычном читателе тем более говорить не приходится: из большого наследия переведено меньше десятка его стихотворений или отрывков из них.

Так что будущим исследователям и переводчикам еще предстоит открыть миру и, в частности, упомянутому русскоязычному читателю этого великого поэта.

Иммануэль Римский прожил сложную жизнь. Каждый ее этап и каждый аспект его творчества, анализ каждого жанра его литературных и религиозных произведений может составить благодарную тему для отдельных исследований.

Цель авторов настоящей работы значительно скромнее: проанализировать, насколько возможно, связь Иммануэля Римского и Данте Алигьери, определить параллели их биографий и творчества.

Все это, конечно, следует рассматривать в контексте еврейской и итальянской культур и связей между ними в 13 в.

Закат еврейского языка и литературы, наступивший вслед за “золотым веком” еврейской поэзии в Испании, длился почти столетие. Происходил он на фоне антисемитских настроений и преследований, особенно после первого в Испании “кровавого навета” (в Сарагосе). Вследствие всего этого центр еврейской культурной жизни постепенно переместился из Испании во Францию (прежде всего в Прованс) и в еще большей степени в Италию, где процветала старейшая еврейская община, в среде которой начиная с 13 в. еврейская культура нашла благодатную почву для своего развития.

В тот период в Италии не только активно переводили на итальянский язык и иврит, изучали и популяризировали произведения Маймонида и других еврейских философов, медиков, литераторов, но и новое поколение блестящих писателей и поэтов (Калонимос бен Калонимос, Иехуда Сицилиано, Иехуда Леоне Романо и др.) создавало свои великие произведения.

Развивающаяся еврейская культура имела тесную связь с другим гораздо более широким просветительским движением, которое охватило Италию, пробудившуюся после многовекового застоя, и впоследствии почти всю Западную Европу. Это был период бурного развития культуры, знаний, основания университетов, ставших главными центрами европейского просвещения. В Италию стекались ученые и писатели, художники и поэты разных стран, в том числе и еврейские. Все они пользовались покровительством властей всех рангов. Начиналась эпоха Возрождения.

Именно в это время, в 1265 г., во Флоренции родился Данте Алигьери – величайший поэт Возрождения, будущий автор “Божественной комедии” и “Новой жизни”.

И почти в то же время и там же, но в другой среде родился Иммануэль бен Шломо, в творчестве которого будут гармонически сочетаться поэтические и философские традиции испано-еврейских школ и “бурные стремления” Дантовской эпохи.

Оба великих поэта, хотя они и выросли в разных социальных и религиозных средах и были воспитаны каждый в духе своей веры, были сыновьями Италии 13 в. Дошедшие до наших дней скудные биографические сведения о Данте и Иммануэле Римском позволяют сделать убедительный вывод об удивительном сходстве их судеб и волновавших их идей. Оба – знатного происхождения, оба – образованнейшие люди своего времени, оба познали горечь человеческой неблагодарности, оба были изгнаны из своих городов (Флоренции и Рима), оба скитались по Италии в поисках пристанища. И оба создали близкие по фабуле произведения – “Божественную комедию” (Данте) и главу “Ад и рай” в книге “Махбарот” (Иммануэль), названную Г. Грецем¹ “комедией человека”, – в которых представлен весь мир, полный пороков и добродетелей. В этих произведениях свобода человеческой воли и стремление к совершенству поставлены превыше всего, а их авторы предстают певцами мира и морального возрождения.

Вопрос о личном знакомстве Данте и Иммануэля до сих пор остается открытым, хотя большинство исследователей склоняется к положительному ответу. Есть несколько письменных документов, косвенно свидетельствующих об этом. Так, известно одно стихотворение на смерть Данте, написанное Иммануэлем как другом покойного, есть несколько сонетов, в которых имена Данте и Иммануэля упоминаются вместе. Во всяком случае, современники смотрели на обоих поэтов как на друзей и единомышленников (С. Дубнов)².

Предполагают, что они познакомились во время пребывания Данте в Риме в качестве посла Флоренции (Г. Фогельштейн, П. Ригер)³ или позже в качестве изгнанника. Возможно, их знакомство состоялось в Губбио в доме Босоне (Босоне да Губбио), бывшего их общим другом (Д. Кауфман⁴, А. Гейгер⁵). Весьма вероятно, что они могли познакомиться в 1316 г. в Вероне при дворе Конгранде делла Скала (Скалигера) (Д. Симондс⁶).

Более того, многие говорят не только о знакомстве Данте и Иммануэля, но и об их дружбе (Ш.Д. Луццатто⁷ и др.). В середине 19 в. найдено несколько так называемых “обменных” сонетов (представляющих собой фактически письма в стихотворной форме, которыми обменивались поэты). В сонетах, которыми обменялись Босоне и Иммануэль, подтверждается факт дружбы Данте и Иммануэля (П.Б. Меркури⁸).

Здесь, конечно, возникает естественный вопрос, почему же Данте нигде в своих сочинениях ни разу не упоминает имя Иммануэля и почему Иммануэль, преклонявшийся перед гением Данте и безусловно заимствовавший у него сюжет “Ада и Рая” (см. ниже), ни разу не упоминает там своего кумира в числе великих мира сего.

Ответ на первую часть вопроса – из области предположений. Возможно, что ревностный христианин, почти фанатик, Данте, как бы он ни был дружен с евреем Иммануэлем, не хотел упоминать его в произведении, еще при жизни автора ставшем чуть ли не откровением. “Новейшим Заветом”.

Ответ на вторую часть вопроса может быть в принципе аналогичным. Иммануэль писал на иврите, предназначая свои произведения, в частности, “Ад и Рай”, читателям-евреям. Восхваление же христианина, да еще изгнанника, вряд ли способствовало бы популярности этого сочинения, и без того навлекшего на

автора недовольство руководителей еврейской общины и значительной части ее членов.

Но ответ может быть и другим, притом весьма неожиданным: в “Аде и Рае” есть упоминание о Данте и даже славословие в его адрес в завуалированной форме. Высказывая такое предположение, А. Гейгер⁹, например, отождествляет с Данте самого проводника Иммануэля по Аду и Раю – пророка-праведника Даниэля (Даниила), имя которого Иммануэль приводит даже с тем же эпитетом – “ish chamudoth” (“муж прекрасный”), что и в ТаНаХе (Даниэль, 10:1); единственный аргумент А. Гейгера – созвучие имен Данте и Даниэля.

Но возможна и другая версия, основанная на тщательном анализе текста “Ада и Рая”. Иммануэль в сопровождении пророка-праведника Даниэля осматривает и Ад, и Рай. И вот в Раю его внимание привлекают троны, предназначенные для великих людей (А.Р., Рай: 732)¹⁰. Иммануэль просит показать ему трон Даниэля, “ahii” (“брата моего”) (А.Р., Рай: 739). Совершенно очевидно, что имеется в виду братство по духу. Характеристика этого Даниэля (тезки проводника), приводимая Иммануэлем и данная Даниэлем-проводником, соответствует личности Данте. “Знай, – говорит проводник, – как велико его значение и как широко распространилась слава о нем по земле. Тебе никогда не сравняться с ним, ибо он ... знал высшую мудрость” (А.Р., Рай: 743–745). Далее он указывает на их совместную жизнь и дружбу, а Иммануэль заканчивает это описание славословием Творцу, что “он не оставил своей милостью его господина” (А.Р., Рай: 764). Такая оценка могла относиться только к Данте, известному к тому времени всей Европе в качестве поэта и в качестве победителя философско-богословского турнира в Париже (1300 г.). При этом мнение А.Гейгера о созвучии имен Данте и Даниэля тоже получает свое подтверждение, но речь идет о другом Даниэле.

Но даже если подвергнуть сомнению все приведенные соображения и факты, для настоящей работы гораздо больший интерес представляют два других вопроса.

Первый – о влиянии на Данте истории еврейского народа, его литературы и религии – иудаизма. Безусловно, оно имело место и было весьма значительным. Это явствует из его известного обращения к христианам, вложенного в уста Беатриче, из

оценки еврея как лучшего судьи человеческой души и поступков (Б.к., Рай, V:80), из критики социального положения евреев и признания роли евреев в духовной жизни Европы и всего человечества.

Внимательное прочтение “Божественной комедии” выявляет в ее тексте большое количество слов и выражений, которые ставили в тупик многих переводчиков.

Так, в уста Плутоса Данте вкладывает слова “Pape Satan, pape Satan aleppe” (Б.к., Ад, VII:1), а в уста Нимрода (Немврода) – “Rafel mai amech Izabi almi” (Б.к., Ад, XXXI:66–67). Они кажутся непонятными и бессмысленными, их оставляли (и, как правило, оставляют) без перевода, полагая абракадаброй. Многие комментаторы высказывали самые разные предположения, считая эти слова арабскими, сирийскими, греческими, французскими, халдейскими. А слова Нимрода рассматривали как приносимые на заведомо никому не понятном языке.

Но если транслитерировать каждое слово этих фраз буквами иврита (на это обратил внимание Ф.Э. Серви)¹¹, то они могут поддаться точному, весьма осмысленному переводу, который будет соответствовать контексту произведения. Первая из фраз означает “Сюда, сюда, Сатана, сюда, сюда, Сатана, иди (поднимайся) сюда”. Плутос зовет Сатану, обращаясь к нему в бездну, где он находится, чтобы испугать им неожиданных гостей Ада – Вергилия и Данте. Это подтверждают дальнейшие слова Вергилия (небезынтересно, что близкие к приведенному варианту переводы этих слов даются в отдельных современных изданиях “Божественной комедии”, но без указания языка оригинала).

Вторая фраза может означать “Исцели, Боже, как глубока моя вечная скорбь”, что вполне соответствует мукам и болям, переживаемым титаном.

Переводчикам и комментаторам кажется непонятным и слово “malacoth” (Б.к., Рай, VII:3), которое никак не признавалось еврейским, хотя двумя строками выше встречаются слова “Osanna” и “Deus sabaoth” (Б.к., Рай, VII:1), имеющие ивритское происхождение.

Но это слово представляет собой искаженное ивритское слово “malcijoth” (А. Гейгер)¹², что означает “царства”, и тогда эти строки текста представляют собой гимн “Славься, святой

Бог воинств, озаряющий ясностью Своей счастливые огни этих царств!" и обретают действительно глубокий смысл.

Следует, однако, отметить наличие и других мнений. Так, Ф. Делиг¹³ считает это слово искаженным "mahaloth" или "maaloth", имея в виду местонахождение ангелов, святых и чистых – в соответствии с известной молитвой.

Кстати, в различные годы в разных изданиях "Божественной комедии" слово "malacoth" писалось по-разному.

Но кроме этих фраз, в "Божественной комедии" встречаются и другие "непонятные" слова, вроде "El", "Eli" и др. Их значение, если считать их ивритскими ("Бог", "Мой Бог"), хорошо вписывается в контекст соответствующих песен этого произведения. И таких примеров можно привести достаточно много.

Конечно, из того, что Данте использовал в "Божественной комедии" отдельные фразы и слова из иврита, нельзя делать далеко идущих выводов (в конце концов, Данте мог знать их из Вульгаты или других источников), тем более связанных с Иммануэлем и их взаимоотношениями. Многие критики, даже признававшие еврейское происхождение фраз Данте, считали, что автор употребил их для большей торжественности.

Но так или иначе это свидетельствует о возможном знании Данте иврита, или хотя бы отдельных фраз и слов, что для того времени нельзя считать исключительным явлением. Известно, что ивритом хорошо владели христианские учителя церкви Иероним, Августин, Фома Аквинский, Альберт Великий и др. В иврите в то время видели не только язык Христа и Нового Завета, но и средство приобщения к ценным знаниям философии, богословия и других наук. Конечно, есть вероятность и близости к Данте людей, знавших этот язык.

Отметим, попутно, наблюдение некоторых литературных критиков, что Данте использовал в "Божественной комедии" стихи или фразы на иностранных языках, вкладывая их в уста своих персонажей, только в тех случаях, когда сам знал эти языки (провансальский, французский). Так, например, из-за незнания арабского языка Данте не прибегнул к нему в рассказе о страданиях Магомета, хотя это, безусловно, было бы оправданным и выигрышным с художественной точки зрения.

Второй вопрос – менее спорный и более важный – о влиянии Данте или его произведений на творчество Иммануэля, точнее,

главного произведения Данте – “Божественной комедии” – на сочинение Иммануэля “Ад и Рай”. Собственно, это влияние – безусловно. Заимствование Иммануэлем сюжета “Божественной комедии” неоспоримо. Нельзя считать простым совпадением тот факт, что в одну и ту же эпоху появляются два поразительно сходных по замыслу и содержанию произведения. Невероятно, чтобы обоим поэтам пришла в голову одна и та же мысль и один и тот же литературный план, заключающийся в описании фантастического путешествия по Аду и Раю, в изображении мук грешников и блаженства праведников. “Оригинальность замысла исключает возможность случайного совпадения” (С. Дубнов)⁴. А если учесть несравненно большую масштабность, значимость и глубину сочинения Данте, можно говорить даже не о заимствовании Иммануэлем замысла Данте, а, скорее, о “подражании” ему (С. Дубнов)⁵.

Объективности ради надо отметить, что загробный мир изображали еще римские поэты (прежде всего, оказавший огромное влияние на Данте Вергилий в “Энеиде”), а жанр загробных странствий (так называемых “видений” или “хождений по мукам”) сравнительно часто встречался в религиозной литературе средних веков. Так, известны “видения” ирландца Тунгдала (12 в.), монтекассинского монаха Альберико (13 в.) и др. Фабула эта воспроизводилась и в древнерусской литературе (“Хождение Богородицы по мукам”, 12 в.), и в литературе Востока (предание о “видении” Магомета, сочинение поэта-лирика Абенараби, 12 в.). Однако произведения этого рода схематичны и примитивны по сравнению с рассматриваемыми сочинениями. Кстати, можно отметить еще одно обстоятельство. Во всех этих сочинениях функции проводника по загробному миру выполняли ангелы, и лишь Данте и Иммануэль отдали эту роль выдающимся представителям человечества – Вергилию и пророку Даниэлю. Выбор проводников, конечно, не случаен. Вергилий был “властителем душ Древнего мира и средних веков”, считался “символом земного разума”. В средние века среди евреев (и неевреев) роль Даниэля, пророчества которого были таинственными и явно имели скрытый смысл, была аналогична роли Вергилия у христиан.

Сюжет “Божественной комедии” Данте, созданной в 1307–1321 гг., известен. Герой поэмы – сам Данте – воплощает погряз-

шее в грехах человечество. Чтобы выйти из состояния греховности и политической анархии, оно, подобно поэту, пройдя через осуждение (Ад) и искупление (Чистилище), должно обрести блаженство (Рай).

Руководимый Вергилием, Данте спускается в Ад, поднимается на гору Чистилища и возносится в Рай. “Божественная комедия” далеко выходит за рамки жанра “видения”, Данте рассматривает в ней вопросы богословия, морали, касается истории, науки, эстетических понятий эпохи. Религиозная поэма проникнута мирскими интересами, она гражданственна, мудра, при этом удивительно поэтична. Несмотря на аллегоричность – а это единственно возможная и оправданная для такого сочинения форма, прекрасно использованная автором, – “Божественная комедия” – это “поэтическая энциклопедия средних веков и раннего Возрождения”.

Похожий в принципе сюжет сочинения Иммануэля “Ад и Рай”, написанного им на склоне лет, около 1330 г., намного проще и мало известен. Произведение написано прозой и начинается с рассказа поэта, задумавшегося в возрасте 60 лет над великой тайной загробного мира и желающего узнать ее. Поэт призывает мудрого пророка Данииля помочь ему, и оба они отправляются в путешествие по Аду, а затем – Раю.

Первый пункт путешествия – Ад, показанный, естественно, в мрачных красках. В Аду находятся жители Содомы и Гоморры, еврейские и нееврейские библейские персонажи Сисра, Хаман, Ахав, Иеровам и многие другие грешники. Там же, как и у Данте, – греческие и арабские философы, ученые: Аристотель, Платон, Гален, Гиппократ, Абу Наср (Аль-Фараби), Ибн Сина (Авиценна) и др. Среди обитателей Ада и другие лица – обладатели разнообразных человеческих пороков: ханжи, развратники, лжецы.

Поэт помещает в Ад и некоторых представителей еврейского народа, “пользовавшихся на земле славой и почетом”, которые в Аду представляют собой толпу слепцов, лишенных зрения за нежелание видеть и знать превосходство мудрости, следовать ее путем, за стремление к личной славе.

Обеспокоенного своей участью Иммануэля Данииль утешает хорошим мнением царя Соломона и пророка Исайи о его комментариях к их сочинениям (обоим поэтам, кстати, было не

чуждо самовосхваление); они же обещают быть заступниками за него перед Всевышним.

Затем Иммануэль и проводник восходят в Рай. В нем царят свет, радость, спокойствие, роскошь. Здесь все библейские праведники: Праотцы, Моисей, Давид, Соломон, пророки. Среди них и язычник Кир, ускоривший освобождение евреев из Вавилонского плена и давший разрешение на восстановление Второго Храма, и дочь египетского фараона, спасшая Моисея, здесь и исторические личности Средневековья: философ Маймонид, поэты И. Галеви, И. Алхаризи, талмудисты (перечень обитателей Рая занимает несколько страниц).

Далее Иммануэль описывает райские жилища святых еврейских мучеников, погибших за веру. Их самих, однако, поэту увидеть не удалось, так как они в это время находились у Престола Всевышнего, перед которым пламенно молились о милости к “несчастливым остаткам Израиля, рассеянным повсюду и ждущим избавления от своих страданий”.

“Ад и Рай” заканчивается повелением Даниэля передать людям все, что видел и слышал Иммануэль. Проводник исчезает, Иммануэль просыпается, поняв, что чудное видение ниспослано ему свыше, чтобы разрешить мучившие его вопросы.

Таково содержание произведения Иммануэля.

При всем очевидном сходстве замыслов и сюжетов “Божественной комедии” и “Ада и Рая”, содержание этих произведений свидетельствует не столько об общности взглядов их авторов – двух мыслителей и поэтов, – сколько об их различии.

Различия эти вызваны прежде всего различием целей, которые ставили их авторы. Данте задался целью представить грандиозную картину политической, религиозной и общественной жизни своего времени, оценить величайшие исторические события прошлого и вывести из всего этого определенное мировоззрение. Цель Иммануэля не столь глобальна, она сводится к некоторым выводам житейско-нравоучительного характера, вытекающим из описания загробного мира и его обитателей.

И целей своих авторы достигают по-разному. Причем это различие проявляется как в форме, объеме, языке, стиле, так и в художественном уровне обоих сочинений. “Божественная комедия”, помимо богатства содержания, блещет поэтическими красотами, “Ад и Рай” проще (как поэт Иммануэль вообще проявил-

ся здесь гораздо слабее, чем в лирических сочинениях – сонетах, гимнах и др.), да и по объему он составляет не более десятой части “Божественной комедии”. Для Данте она – труд всей жизни, главное произведение, обессмертившее его имя. Поэма Иммануэля – одно из второстепенных произведений, написанное, можно сказать, достаточно сухо.

Конечно, на отдельные проблемы и явления человеческой жизни взгляды Данте и Иммануэля сходны. Грехи и добродетели оцениваются ими одинаково. Так, они почти одними и теми же словами говорят об обмане, коварстве и безразличии к добру и злу, оба возводят раскаяние в добродетель. Но и при этом имеется существенное различие: Данте направляет раскаявшихся грешников в Чистилище, а Иммануэль – в Рай.

Гораздо более существенные различия проявляются в отношении поэтов к религиозному догматизму, к эсхатологии, в их отношении к предмету изображения. То, что было для Данте делом убеждения и глубокой веры, интересовало Иммануэля только как сатирика. Для Данте весь мир, вся жизнь была трагедией, и свою “Комедию” он тоже понимал как трагедию. Для Иммануэля же мир представлялся комедией, а попавшие в его поле зрения страсти и пороки служили пищей для едкой насмешки. Насмешка Иммануэля иногда легка, иногда фривольна, но при этом почти всегда глубока, блестяща и является антитезой серьезности Данте.

Например, оба они помещают в Ад одних и тех же философов и ученых, но у Данте явно просматривается идея сурового возмездия этим людям за отклонение от правоверия, а Иммануэль более мягок, он помещает их в Аду скорее для изображения там веселого общества и подчеркивает тем самым, что для правды нет различия в вере и убеждениях. Да и не ненависть питает он к ним, а, наоборот, симпатию. Причиной пребывания Аристотеля в Аду Иммануэль называет его веру в вечность мира, Галена – его непочтительность к Моисею-законоучителю, Гиппократа – сокрытие им своих знаний и мудрости и т.п. Создается впечатление, что Иммануэль хочет уязвить не самих “грешников”, а тех, кто так думал об этих титанах мысли.

И Данте, и Иммануэль ставят во главу социального здания человечества науку, мудрость, однако Иммануэль больше, чем Данте, верит в человеческую мудрость как в величайшую силу,

не только совершенствующую человека, но и поднимающую его к Божественному сиянию. Выше человеческой мудрости – лишь сам Бог. Данте же человеческой мудрости не особенно доверяет, в его глазах она лишь средство для достижения религиозного идеала догматического характера, он противопоставляет мудрость вере.

Земля у Данте слишком скверная и грешная, чтобы на ней искать правду или мудрость, она может служить гнездом преступлений, духовно возрождать человечество ей не дано. И Данте поднимается в небеса, в высшие сферы Рая, чтобы там отыскать эту мудрость. Найденная там, мудрость эта предназначена не для всего человечества, а лишь для избранных. Иммануэль хотел свободных знаний, основа его мудрости – борьба человечества за справедливость, за поруганные права. Он духовно свободнее Данте.

Различны у Данте и Иммануэля взгляды на пути человечества к совершенству. Данте угрозами и страхами призывает его к покаянию, заставляя поверить в ужасы Ада, а Иммануэль хочет исправить его насмешкой, ибо сатира имеет то безусловное преимущество перед остальными литературными формами, что не подавляет человеческого духа, а просвещает его.

Весьма показателен еще один принципиальный фрагмент из “Божественной комедии”. Данте, находясь уже на пороге Рая, возвращает в Ад своего проводника Вергилия, потому что он язычник, не христианин. На том же основании он, верный догмам церкви, оставляет там великих философов и ученых древности. Иммануэль тоже оставляет их в Аду, но, как отмечалось, совершенно по другим соображениям, ибо его интересует фактическая сторона их прегрешений, нарушение ими высших законов нравственности вне зависимости от религиозных соображений. Иммануэль более объективен, толерантен, чем Данте, что отметили даже христианские критики (Т.Паур¹⁶ и др.). Он помещает в своем Раю “всех праведных людей народов мира, которые достигли высших ступеней на лестнице разума и мудрости”. Данте – сторонник прозелитизма, но только склонявшегося к христианству. Иммануэль – противник прозелитизма, но он выработал в себе доброе отношение к человеческим слабостям и заблуждениям. Уступая Данте во многом, он превосходит его в ми-

досердии. Это милосердие и любовь ко всем людям сближали Иммануэля с человечеством.

Поэтов объединяла любовь к своим народам, к людям вообще, к жизни. Но и она – любовь – была у них разной: у Данте она – религиозное чувство, у Иммануэля – страсть.

Данте воспевает индивидуальное совершенствование личности, а Иммануэль, верный этике пророков и талмудистов, всегда имеет в виду народ, массу, он горячий сторонник массовых чаяний и желаний. Что же касается отдельных личностей, то поскольку интересы масс удовлетворяются ими, постольку последние делаются достойными Ада или Рая.

Каждый из великих поэтов был верен своей религии и шел в поисках истины своим путем, завещая найденную правду грядущим поколениям и представляя перед ними во всем своем величии.

Примечания

¹ Грец Г. История евреев Т. 8. Одесса, 1907.

² Дубнов С. М. История евреев в Европе. Рига, 1936.

³ Vogelstein V., Rieger. Geschichte der Juden in Rom. Bd. I. S. 211.

⁴ Kaufmann D. Dante et Manoello // Revue des etudes Juives. T. XXXVII. P. 292.

⁵ Geiger A. Immanuel, Freund Dante's // Judische Zeitschrift für Wissenschaft und Leben. V Jahrg. S. 299.

⁶ Симонде. Данте, его жизнь и т. д. С. 231.

⁷ Цит. по: Красный Г. Иммануэль Римский и Данте // Восход. 1906. № 1. С. 99–112, № 2. С. 56–100.

⁸ Там же.

⁹ Geiger A. Immanuel, Freund Dante's. S. 299.

¹⁰ Здесь и далее ссылки даются на сочинение Иммануэля “Ад и Рай” (А.Р.), часть (Ад или Рай), номер строки. То же относится и к “Божественной комедии” (Б.к.) Данте. Указаны часть, номер песни и номер строки.

¹¹ Цит. по: Красный Г. Иммануэль Римский и Данте.

¹² Geiger A. Immanuel, Freund Dante's. S. 299.

¹³ Цит. по: Красный Г. Иммануэль Римский и Данте.

¹⁴ Дубнос С. Иммануил Римский, лирический поэт и сатирик XIV столетия. Историко-литературный этюд // Восход. 1886. № 3. С. 36–58, № 4. С. 6–22.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Paar. Manoello und Dante // IV Jahrbuch der deutschen Dante-Gesellschaft. S. 451.